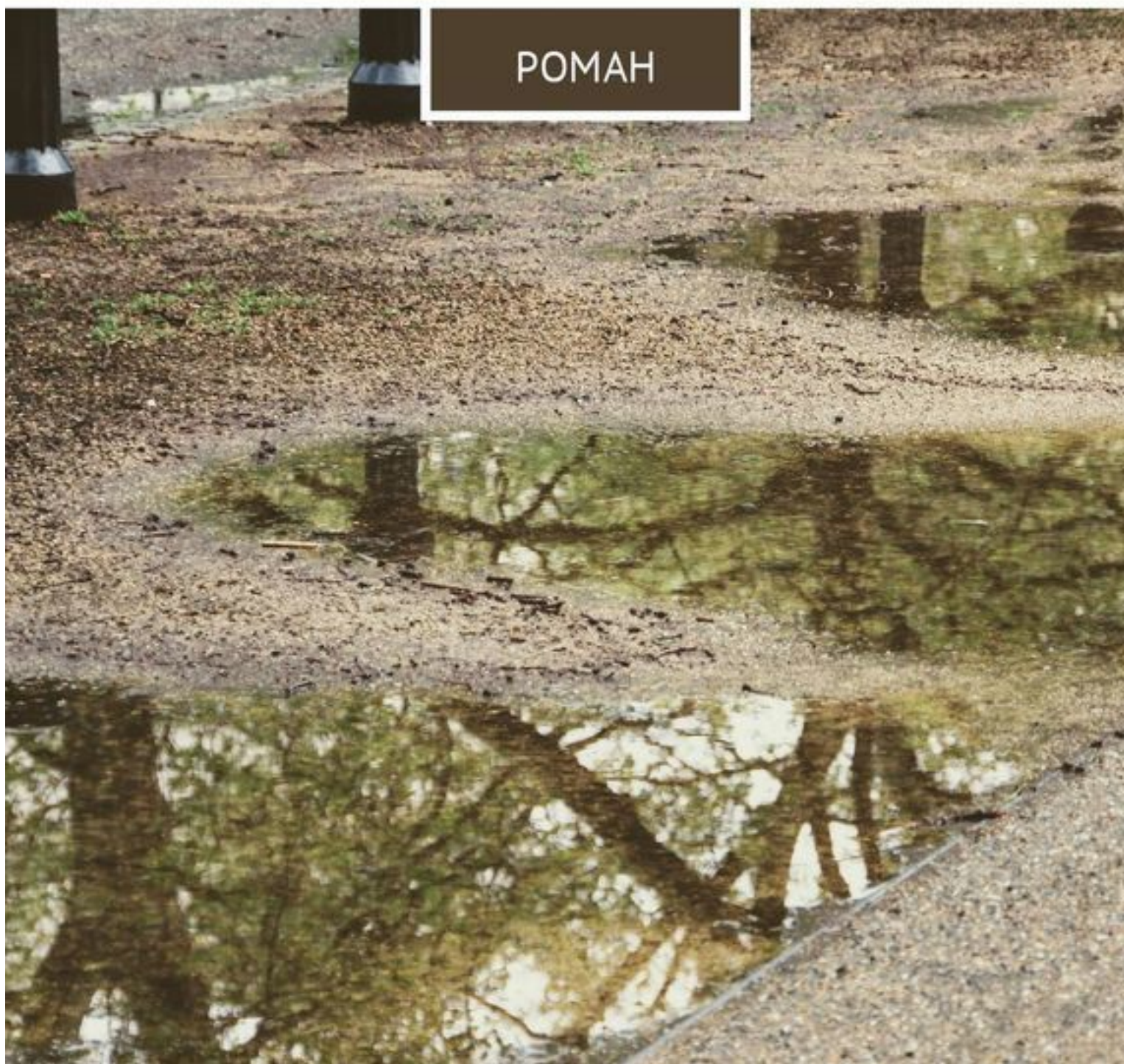

СЕРГЕЙ БАЕВ

Шалом

РОМАН

Сергей Баев

Шалом

«Издательские решения»

Баев С.

Шалом / С. Баев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858950-8

Роман Сергея Баева «Шалом» продолжает цикл фантасмагорических и одновременно вполне достоверных историй о родном городе автора — Томске. В центре внимания — национальный вопрос, служащий только палитрой для красочной битвы добра со злом, причём ни одной из сторон не гарантирована победа. Эпизоды, написанные сочным языком нынешних уроков, сменяются патриархальными зарисовками советской жизни. И всё это вместе создаёт масштабное полотно современной непростой суровой жизни.

ISBN 978-5-44-858950-8

© Баев С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Параграф 1. Дедовщина	8
Параграф 2. Адекватный ответ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шалом Роман

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2017

ISBN 978-5-4485-8950-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор несёт всю полноту ответственности за материалы, использованные в данном произведении.

Любое совпадение имён и фактов считать вымыслом автора.

Памяти Генриетты Марковны Вейцман.

Тель-Авив, 2017

Пролог

*«Чем отличаются сионисты от антисемитов?
Сионисты говорят, что среди евреев много
знаменитостей, а антисемиты говорят, что
среди знаменитостей много евреев».*

Константин Мелихан

...Почему мы люто ненавидим евреев? Вернее, не так: Из-за чего мы испытываем к ним неприязнь, граничащую с отвращением? Почему ни грузины, ни чечены, ни хохлы не вызывают в нас, русских, такие негативные ощущения?

Эти в общем-то простые вопросы я задал своему давнишнему другу, классному мужику, еврею во всех поколениях Лёне Соболевскому.

– Понимаешь, Серёга, всё довольно просто: есть евреи, а есть жидаы...

– Я чего-то не врубился! В чём, собственно, отличие?

– Объясняю для особо тупых! Евреи – это нормальные, адекватные ребята, такие же, как я и ты, креативные, уважающие Визбора и Клячкина, хлещут винцо и водяру, ненавидят продажную власть, пашут не покладая рук, любят женщин и пиво. Короче, ты – русский, можно сказать москаль, и я – еврей, можно сказать хохол; мы на одной ступеньке, мы на равных. А есть «жидаы» – хитрые, алчные, мутные. Да ты сто раз с такими сталкивался; такое говно в любой национальности присутствует.

Так вот, мы – евреи, коих большинство, тоже ненавидим «жидов» так же, как и вы, русские. Эти «жидаы» коренным образом портят нам статистику, провоцируют ненависть ко всем евреям, возбуждают национальную рознь.

– Теперь я понял, хотя не до конца!

– Значит, смотри сюда. Ты когда-нибудь сталкивался с жадным евреем?

– Ну, пару раз случалось, когда в университете работал, наукой занимался.

– И в чём это выражалось?

– У нас в лаборатории работал Володя Лившиц, так он никогда и никому не занимал даже трёшку до полочки.

– Это, Серёжа, по-твоему жадность?

– Ну, это как-то не по-русски! Мы тогда все получали мизерную МНСовскую зарплату и постоянно пребывали в безвылазных долгах, а Вова никогда не был должен.

– Он просто правильно относился к деньгам! По какой такой причине все должны всем?

– Да бухали по чёрному, пропивали много.

– А Вова что, не пил?

– Пил, конечно, но после второго стакана смывался домой под разными предлогами, а мы скидывались дальше на пойло, квасили по полной, потом, на следующий день, подыхали с похмелья...

– Думаю, Серёжа, это не тот вариант, про который я толкую. Он нормальный еврей и никакой не «жид».

– Ну, тогда выходит, Лёня, я никогда не сталкивался с «жидами»?

– Выходит, что так! Понимаешь, Серёга, их очень мало, но вони от них немерено. Поэтому, когда ты что-то излагаешь об евреях, конкретно определись, о ком ты говоришь: о «жидах» либо об евреях?

– Лёня, ты мне полностью мозги засрал.

– Даже и не думал. Я тебе наглядно толкую, почему нашего брата не жалуют, гнобят, зажимают повсеместно...

– Лёша, у меня ещё вопрос.

– Базарь, коль не шутишь. Погоди, давай сначала накатим по сотке?!

– Погнали! Ну, за евреев! Лехаим!

– Хорошо задвинул, москаль!

– А насчёт поголовного скрытого антисемитизма... У меня много знакомых – нормальных людей, совсем не антисемитов, но для них слово «еврей» является как бы ругательным, нехорошим. Почему так происходит? То там, то тут слышу фразы: «Ты шапку по-еврейски надел», «Ты сделал по-еврейски», «Ну ты хитрый, как еврей», «Пиши нормально, а не по-еврейски». Скажи, Лёня, это какой-то замаскированный антисемитизм?

– Это, Серёжа, отчасти так исторически сложилось, а отчасти от того, что советская власть постоянно подогревала скрытую ненависть к евреям. Тут каждый выбирает сам – подавать руку антисемиту или нет.

– Да, Лёня, тяжело быть евреем!

– Не скажи, Серёжа. Очень даже легко, если не давать садиться себе на голову, достойно отвечать всяким ублюдкам, не париться по пустякам, а просто радоваться жизни...

Параграф 1. Дедовщина

«Дети позорят нас, когда на людях ведут себя так, как мы ведём себя дома».

NN

«Дьявольское отродье – это ребёнок, который ведёт себя, как ваш собственный, но родился в семье соседа».

NN

– ...Слышь, Колянчик, я чо разумею, надо бы новенького прописать чисто конкретно. Уж больно он борзучий и дерзкий, не успел, говнюк конопатый, нарисоваться, тут же за Танькой начал шмыгать, типа, глаз на неё кинул, а она мне ваще нравится...

– Санёк, ты не кипишишь раньше времени! Вот на гульку (прогулку) выведут, там мы его и зажмём где-нибудь в уголке. Только я кумекаю, что из-за шмарёнки (девочки) новенького прессовать как-то не по понятиям. Надо бы ему предъяву (разъяснение) кинуть про обязательный взнос на вход...

– Ну ты, Колян, мозга в натуре! А чо предъявим?

– Пусть для начала какую-нибудь вкусняшку притащит...

– А если рыпаться начнёт? В пузырьрёк полезет? Или стучать побежит?

– Тогда прижмём его по взрослому, заодно и от Танюхи отвадим.

...Коля Ванюкин и Саша Шкодин ещё долго обсуждали свои поганые грязные делишки, делились впечатлениями о новом мультике, разрабатывали коварный план наезда на вновь прибывшего Серёжу Баевича.

Не знали хулиганистые кореша Санёк и Колян, что хлипкий на вид Серёжа почти два года посещал секцию капозёйры, к тому же его отец – бывший десантник, служивший в спецподразделении «Сапсан», а теперь инвалид по ранению, – обучал сына приёмам легендарной израильской борьбы «крав мага» (в переводе с иврита «боевое прикосновение»).

Давид Баевич не устал повторять подрастающему сыну: «Серёжа, ты еврей, а значит, должен уметь защищаться, тем более в этой антисемитской стране, где тебя ненавидят все. Здесь люди живут не по законам, а по понятиям, – пойми меня правильно, – любая мразь жаждет тебя прикончить».

– Папа, а у меня что, на лбу написано, что я еврей?

– Во-первых, ты рыжий, а это само по себе уже вызывает у окружающих злобную неприязнь, поскольку ты не похож на всех, а значит, чужой. Чужаков не любят нигде! Во-вторых, тебя выдаёт нос. Еврейский нос – это особая примета, его не спрячешь за чёрными очками и не засунешь в карман. В-третьих, твоя фамилия не Иванов, не Петров и даже не Сидоров. Ты – Баевич! Гордись своим происхождением, где бы ты ни находился.

Кроме подготовки к будущей схватке с многочисленными антисемитами, Серёжа самоотверженно занимался музыкой (как и все еврейские мальчишки, он каждый день мучил писклявую скрипку), по субботам посещал художественную школу, пытаясь научиться красиво рисовать, вечерами читал умные книжки Мишеля Монтеня...

– Светочка Юрьевна, умоляю тебя, подмени на недельку, я в Крым хочу сгонять, сил моих больше нету. Ещё пару дней, и я на своих воспитанников начну кидаться и орать; боюсь, что до выпуска не дотяну. С заведующей я уже переговорила; она в принципе не возражает. Светлана, ну хочешь, на колени перед тобой встану! Ты – моя последняя надежда!

– Лена, я даже не знаю? Почему я последняя надежда? Вон сколько воспитателей...

– В том-то и дело, Света, что все наотрез отказываются!

– Елена Игоревна, давай начистоту: что в подготовительной группе не так? Отчего все шарахаются от неё, как чёрт от ладана? Может быть, ты каким-то образом меня подставить хочешь? Пока ты в Ялте косточки будешь греть, южные сочные фрукты кушать, в грязевых ваннах здоровье поправлять, твои «любимые» подопечные меня без соли съедят? Пока не расскажешь, в чём дело, даже не заикайся о подмене.

– Светлана Юрьевна, ты не поверишь! Только не пугайся раньше времени, но в моей группе махровая дедовщина...

– Ты сама-то поняла, что сейчас сказала? Какая, к чёрту, дедовщина в детском саду?

– Ну вот, Света, я так и знала, что ты не поверишь! Никто не верит! Заведующая мне в лицо расхохоталась и из кабинета выставила. Я ей талдычу, что некоторые мальчики из подготовительной группы над другими детьми издеваются, данью всех обложили, прохода девочкам не дают, избивают одноклассников и младших, а она меня на смех подняла и пригрозила увольнением. Света, ты ведь в курсе, что я сына, оболтуса, из последних сил тяну, а непутёвой дочке и наряды, и косметику импортную подавай. Муж, гадёныш, нас давно бросил... Если меня уволят, мне труба! Кто меня в таком возрасте на работу возьмёт? Сама знаешь, кругом блат или взятки, а у меня каждая копейка на счету...

– Лена, я сейчас разревусь! Все так живут!

– Да уж, Светлана Юрьевна! Мы не живём, а выживаем... Ладно, это всё эмоции. Так ты подменишь меня или нет?

– Смотри, Лена, я не воспитатель и не нянечка. Я всего лишь обычный логопед. Мне привели в кабинет ребёнка с дефектом речи, я с ним работаю по индивидуальной программе, а с трудными малолетними бандитами как-то не сталкивалась. У меня на занятиях все дети спокойные, послушные, даже порой испуганные. Ну разве только последнее время стали коррекционных добавлять... К хулиганам, пусть и шестилетним, особый подход нужен, тут детскую психологию надо бы знать, методиками владеть разными... Да чего я тебе, Лена, прописные истины втираю. Обратись к детскому психологу...

– Светочка, открой глаза: какой психолог? Специалисту платить надо раз в десять больше, чем тебе и мне! И на каждую группу по психологу ставить. Это даже в штате не предусмотрено. Если бы у тебя зарплата приличная была, ты пахала бы на две ставки? Или я терпела бы унижения от крутых родителей этих современных малолетних уродов, возмнивших себя «дедами»? Я не то что наказать их не имею права, я даже голос повесить не могу. А эти сопливые мразёныши чувствуют это и наглей по полной! Ты себе не представляешь, Света, как они меня достали! Сил больше нет! Ну, подмени, пожалуйста, иначе я прямо здесь, в твоём кабинете, сдохну!

– Да, Елена Игоревна, видно, терпение у тебя на пределе, так и сорваться можно. Я ни в коем случае смерти твоей не желаю. Скорее всего, я тебя подменю на неделю; только мне нужны подробности, информация об этих «крутых» воспитанниках, о родителях, – в общем, всё, что тебе известно и, желательно, поподробнее. Я должна понять, как с ними общаться.

– Господи, Светочка, ты только что спасла меня от инфаркта, от депрессии, можно сказать, от тюрьмы...

– Как это?

– А вот так! Я уже готова была удавить этих ублюдков: Колю Ванюкина и Сашу Шкодина.

– Неужели всё так серьёзно?

– Ты, Света, это поймёшь ровно через две минуты, когда окажешься в моей подготовительной группе.

– Ладно! Выкладывай, что знаешь об этих мерзавцах. Меня интересуют любые мелочи, подробности поведения, как они общаются с другими детьми, как осуществляют свои гнусные деяния, как потом оправдываются, почему остальные в группе, как бараны на бойне, мол-

чат, почему родители униженных ребятишек не бьют тревогу. Могу ещё сто «почему» назвать. Колись давай, Елена Игоревна!

– Объясняю по порядку, по мере поступления вопросов. Во-первых, о причинах этого уродливого явления: дедовщины в детском саду вообще. Я, конечно, не психолог, не аналитик, поэтому выскажу своё, сугубо личное мнение. Думаю, что детсад – это своеобразный срез нашего общества, такой же, как армия, школа, тюрьма, детский дом, больница, производство, даже наука. Везде и всюду процветают лизоблюдство, кумовство и телефонное право. Эти, можно сказать, правила игры по всей стране установил главный партайгеноссе, он же – царь, или, как говорят некоторые, «наше всё». Дети глядят на своих родителей, существующих, работающих, живущих по законам волчьей стаи и общающихся всё больше по фене. Ребёнок копирует в точности поведение папы и мамы. Он ежесекундно подсматривает за ними, поэтому поступает точно так же, как значимые для него люди – родители. Он ничего не изобретает, не выдумывает, не фантазирует, а просто считывает с листа свои действия, свою реакцию, своё поведение. Сексоты добровольно приняли условия жизни в стране, молча проголосовали за фальшивую стабильность, за повсеместное дружное «одобрямс», за вседозволенность для свиты генсека, за нищенское прозябание, за приоритет кумовства и блата, лишь бы не было войны. Поэтому их несчастные дети принимают те же условия жизни!

– Елена Игоревна, я погляжу, ты махровая диссидентка, тайный агент американского госдепа, активный член пятой колонны...

– Света, не говори ерунды! Я тебя давно знаю; уверена, что ты не станешь стучать на меня. Любой человек в нашей стране в душе рассуждает примерно так же, если, конечно, он не из неприкосновенной, непотопляемой своры партаппарата, не чиновник, не мент и не гэбэшник.

– Извини, что тебя перебиваю; продолжай по существу.

– Так вот, подонков, возомнивших себя паханами (лидерами), у меня в группе двое: Коля и Саша. Пацаны эти не по годам хитрые, жестокие, циничные: если надо кого-то оговорить, наврут с три короба, если решили кого-то наказать, то бить будут зверски смачно и долго, если необходима помощь родительской крыши, то сочинят невероятную историю о том, как их унижает воспитательница и издевается нянька. Короче говоря, мразь конченная! Кстати, по моим многолетним наблюдениям, именно такие пацаны становятся впоследствии клиентами детской комнаты милиции, а потом – прямиком на зону, в привычную систему ценностей и отношений.

– Ты, Лена, хочешь сказать, что эти двое терроризируют целый детсад?

– У них имеются свои сямки, шестёрки, исполнители; всё как на зоне.

– Ни фиги себе! А я отпахала в детском саду уже двадцать лет и даже не подозревала об этих вопиющих безобразиях...

– Потому что ты обычный советский логопед, и не бываешь постоянно в группе.

– Лена, когда ты улетаешь?

– У меня билеты на послезавтра...

– Сделаем так: ты сейчас ступай к себе в группу, а то твои злобные питомцы, наверное, уже нянечку до психоза довели. Завтра, когда время будет, лучше всего в тихий час, заходи, дальше расскажешь. Я хочу быть подготовленной к встрече с «очаровательной» хулиганистой парочкой...

– Ладно, я ушла. Ещё раз тебе огромное спасибо!

...В это время продуманный и наглый мальчик Коля подгрёб к рыжему очкарику Серёже:

– Слышь, Серя, «в две пары глазеря», завтра притащишь конфет, чем больше, тем лучше, и один рваный (один рубль), – это твой членский взнос.

– Где я возьму столько денег?

– Это твои заморочки, сосунок! У предков своих по-тихому стяни...

– А если не принесу?

– Наказание огребёшь лютое; мало не покажется. Тут недавно один такой же, как ты, хлюпик в непонятки полез, так до сих пор в больничке валяется расфасованный, да перебинтованный с сотрясением черепа.

...Подрулил вездесущий Санёк, зло зыркнув на новенького, процедил, как отрезал:

– Я шмурыгаю (смотрю), у нас тут не просто свежая котлета, у нас тут жидёнок пархатый. А с жидов, – двойная такса, два рваных (рубля) как с куста!

– Ребята, я не хочу с вами ссориться, не хочу драться, давайте жить дружно?

– Колян, я же калякал (говорил), что он, ваще, дерзкий! Может, прям щас ему и пропишем?

– погоди, Санёк, успеется! Пусть сначала отступные притащит. Короче так, Баевич, завтра после хавчика (обеда), в тихий спок (час) – полный расчёт. Если нет, то включаем счётчик, и тогда тебе хана.

...Серёжа опустил глаза и тихонько отошёл в сторону; яркие игрушки его уже не интересовали, красивая девочка Таня тоже...

...Светлана Юрьевна сидела у себя в кабинете и лихорадочно вспоминала всё, что ей было известно по детской психологии, чему учили в пединституте.

На следующий день утром она отправилась к заведующей.

– Лидия Ивановна, могу я посмотреть Колю Ванюкина из подготовительной группы? Мне кажется, он некоторые звуки неправильно произносит?

– Откуда такая информация?

– Я вчера общалась с Еленой Игоревной по поводу детей в её группе.

– Хорошо. Когда приведут мальчика, пусть мамаша зайдёт ко мне; проследите, пожалуйста. Без её согласия я не имею права...

Светлана Юрьевна отправилась в подготовительную группу караулить Колю с мамой, а заодно понаблюдать за его поведением, получить, так сказать, первое впечатление о малолетнем хулигане...

– Доброе утро, Лидия Ивановна! Что с моим ребёнком не так? С чего это вдруг на последнем году пребывания в детском саду ему оказались необходимы услуги логопеда?

– Да вы не волнуйтесь так. Думаю, что с Колей всё в полном порядке; просто перед выпуском мы проверяем всех детей.

– Скажите, уважаемая Лидия Ивановна, как фамилия логопеда?

– Антонова Светлана Юрьевна. А при чём тут её фамилия?

– Я так понимаю, это фамилия мужа? А в девичестве она кто была?

– Варшавская... А что тут не так?

– Ну вот, Лидия Ивановна, мы и добрались до истины!

– Я что-то не совсем понимаю, куда вы клоните?

– Я категорически против, чтобы какая-то евреечка, жидашечка, вправляла мозги моему сыну, учила его правильно говорить.

– Вы это серьёзно?!

– Ещё как серьёзно! Я не даю своего согласия на проверку речи моего мальчика. Если уж так необходимо, то я найду другого, нормального логопеда.

– А кто вам сказал, что Светлана Юрьевна еврейка?

– Но она же не Иванова! Фамилия у неё чисто еврейская. Поэтому, извините, я на работу опаздываю. Молите Бога, чтобы я не рассказала мужу о нашей беседе. Надеюсь, вы в курсе, кто он?!

...Когда дверь закрылась, обалдевшая заведующая пребывала в полном недоумении и растерянности: «Как же так, на дворе конец двадцатого века, а ненависть к евреям та же,

что и раньше? Это хорошо, что эта ненормальная мамаша не знает, что моя девичья фамилия Чмух».

...Когда, наконец, выдалась свободная минута, к логопеду заглянула Елена Игоревна.

– Ну как, Света, продолжим?

– Давай, только в мельчайших подробностях! Меня интересуют конкретные выходки этих малолетних уродов. В чём именно выражается эта так называемая дедовщина?

– Тут, Света, целый букет. Методы настолько разнообразны, насколько и жестоки, точно как в армии или на зоне. Например, эти малолетние хулиганы отбирали конфеты и другие сладости, которыми родители снабжали своих чад перед детсадом. Они не давали новеньким подходить к красивым игрушкам, а главное – постоянно воровали еду с тарелок других детей: котлеты, сосиски, и нагло сжирали их на глазах голодных ребяташек; иногда вообще опрокидывали тарелку на пол. Если кто-то жаловался воспитателю, то ему цинично плевали в суп или компот. Новенького изолировали от всех: не давали играть с другими, которых запугивали и избивали. На самом деле, примеров много...

– Но ведь согласись, Лена, не каждого новенького можно так нагло унижать?

– Согласна с тобой! В первую очередь козлами отпущения становятся робкие, застенчивые, домашние дети. Они находятся под постоянным прессом злобных маленьких ублюдков.

– Я вот что сейчас подумала: скорее всего, родители таких неуверенных в себе детей делают большую ошибку, отдавая их в сад в надежде, что они «научатся общаться», что им в будущем будет легче жить, если они на собственной шкуре познают побочные эффекты коллектива.

– Точно! Такая «школа жизни» для неокрепшей психики просто губительна. Я тоже уверена, что ломать ребёнка такими испытаниями нет смысла. Будет ещё хуже! Родители, желая лучшего своему чаду, сами того не замечая, делают из него маленького психбольного; у ребёнка появляются невротические признаки – энурез, ночные страхи, бессонница, кусание ногтей.

– Елена Игоревна, а как с этой дедовщиной бороться? Ты же много лет работаешь в группе, что надо делать?

– Светлана, по правде сказать, даже не знаю! Единственное, что приходит на ум: не надо отдавать робких детей в сад, лучше пригласить няню или договориться с бабушкой, чтоб сидела с ним.

– Круто ты, Лена, только что отбрехала. Типа, от воспитателя ничего не зависит. Мне кажется, ты просто снимаешь с себя всякую ответственность и элементарно устранишься от решения проблемы...

– Светочка, да пойми ты меня, я не хочу решать детские проблемы, мне спокойно доработать бы до пенсии, и всё!

– Лена, я уверена, что внимательный педагог, воспитатель, способен полностью прекратить всякое унижение ребёнка, искоренить детсадовскую дедовщину. Поэтому надо работать в первую очередь с тревожными, застенчивыми детьми, а действия сопливых подонков пресекать безжалостно теми же методами – с позиций силы, чтобы хулиганы знали и помнили, что против любого лома найдётся другой лом, но гораздо больше...

– Светлана Юрьевна, но ведь это непедагогично! Я бы сказала: противозаконно!

– Ты, Лена, на себя погляди: ну законченная неврастеничка. У тебя руки ходуном ходят, как у алкашки, и глаз дёргается, как у настоящего психа.

– Да уж. И что же мне теперь делать, Светочка?

– Езжай уже в свой спасительный Крым. Я сама всё сделаю! Попробую разобраться в ситуации...

– Ну, не знаю... В любом случае, спасибо тебе. Да, я ещё про их родителей хотела несколько слов сказать. У Коли Ванюкина отец – зам прокурора города, пользующийся прак-

тически неограниченной властью. Может, если захочет, засадить любого в тюрьму. Как говорится: «Был бы человек, а статья всегда найдётся». Когда три месяца назад его отпрыск Коля зверски избил одноклассника, да так, что того увезли по «скорой», то не завели даже административного дела, спустили всё на тормозах, а заведующей вклеили выговор. Эта малолетняя мразь за своим всемогущим папашей как за каменной стеной. Кстати, этот высокомерный папа сюда навещался после того вопиющего случая и пригрозил всем, а мне в первую очередь, что если мы и впредь намерены клеветать на его послушного мальчика, то огребём лиха по полной. Понимаешь, Света, тут надо сначала с папой разбираться, а уж потом с его наглым выродком. В конечном итоге родители покалеченного пацана подписали мировую с этим козлом прокурорским и разошлись краями; в общем, служитель закона замял дело; всё как всегда. Я до сих пор не возьму в толк, зачем нужно мировое соглашение; ведь это лазейка для партийных задолбанцев, это – прямой путь к вседозволенности и безнаказанности...

– Да, Лена, тебе с такими мыслями надо было подаваться в правозащитники, а ты здесь маешься, инфаркт набираешь, ненависть, обиду в себе копишь.

– Я жить хочу, поэтому, где не надо не вякаю, откровенничаю только с друзьями, да вот ещё с тобой.

– Помнишь, как у Бутусова: «Если есть те, кто приходит к тебе, найдутся и те, кто придёт за тобой...».

– Правильно ты всё говоришь, только, Света, накопело уже! Представляешь, страшно становится жить! Куда мы идём? Что будет с нашими внуками? Опять я на эмоции скатилась. Слушай дальше. У Саши Шкодина мама – двоюродная сестра председателя горисполкома, а значит, её сынуле-недоноску тоже всё можно.

– Хорошо, Елена Игоревна, я всё про родителей поняла; с ними разговаривать бесполезно. А как же папы и мамы униженных детей?

– А ты бы попёрла против зампрокурора, против самого горисполкомовского начальника?

– Нет, я с детства трусиха! Но надо что-то делать. В конце концов эти сопливые бандиты когда-нибудь тебе, Лена, вилку в спину воткнут или что-нибудь в этом роде.

– Думай, Светлана Юрьевна, у тебя голова светлая. Я уверена, ты найдёшь методы на этих гадов. Готовься, у тебя завтра первый день пребывания в аду...

...Когда дверь в спальню закрылась, и измотанная нянечка, наконец, вышла на улицу перевести дух и заодно покурить в тишине, подготовительная группа зажмурила глаза, пытаясь уснуть. В этот момент Коля Ванюкин поднялся во весь рост, демонстративно снял плавки и грозно заявил: «Видели, вот это вам всем; кто против меня рыпнется, будет сосать мою письку вместо леденцов!»

Кто-то из присутствующих нервно хихикал, кто-то спрятался под одеяло, кто-то просто потерял дар речи от такого детсадовского беспредела.

Между тем распоясавшийся подонок продолжал:

– Эй, рыжее чмо, хилий сюда! Ты конфет притаранил? А может, ты уже забыл, что с жидов двойная ставка? Поднимайся, лупарик (очкарик) и канай (иди) ко мне, живо.

...Серёжа Баевич, ни грамма не испугавшись визгливого рычания маленького гадёныша, спокойно поднялся с постели и смело двинулся к будущему антисемиту.

– Ну, еврейчик носатый, и где мои рубрики?

– Какие кубики Рубика?

– Ты дурочку не включай, а то щас без башки останешься. Санёк, обшманай (обыщи) его шконку (кровать).

...Корефан Коляна метнулся к кровати новенького, но по пути напоролся на Серёжин кулак. Еврейский мальчик каким-то ловким движением ударил Саньку в бок чуть выше пупка, тот охнул и, обездвиженный, рухнул на пол.

Ребяты тут же примолкла, вытаращила удивлённые глаза, наблюдая за невероятными событиями, поскольку ещё никто не осмеливался противостоять сопливой шестилетней шпане.

Ошарашенный подонок Коля молниеносно напялил плавки, как коршун слетел с кровати и в полном гневе ринулся на Серёжу: «Ну, жидяра, тебе капец...»

Он замахнулся своим кулачком, выпучил страшные глазёнки, но тут же получил весьма болезненный удар в коленку. Нога сразу отнялась, а от бравады маленького хулигана не осталось и следа.

Серёжа спокойно нагнулся к нему и прошептал:

– Я буду бить тебя постоянно, если кому-нибудь наябедничаешь, то получишь ещё сильнее и больнее.

– Ты не знаешь, кто мой отец! Он тебя порвёт, как сывку!

– А ты, гад, без своего папашки чего-нибудь можешь?

– Сейчас коленка пройдёт, я тебя прибую!

– Коленка у тебя пройдёт дня через три, а пока исподнее суши, засанец! А насчёт твоего отца я так отвечу: «У меня папа тоже крутой, никого и ничего не боится; террористов всяких, бандитов давил, как тараканов; пожалуешься – конец тебе и твоему отцу!»

...Серёжа оглядел спальню, поднял руку и громко приказал: «Всем спать! Все забыли, что тут видели!», потом побрёл к своей постели, плюхнулся на подушку и заснул сном невинного младенца. В эту минуту его одноклассники уже храпели и сопели на все лады. А на полу валялись и нервно дремали два маленьких мешка с дерьмом – Колян и Санёк.

Через час вернулась нянечка и принялась будить подготовительную группу; заметив на полу двух спящих мальчиков, она резонно смекнула, что те скатились на пол во сне. Ребята с трудом и нехотя пробуждались. Когда Сашу Шкодина увезли в больницу с неожиданным аппендицитом, перешедшим в перитонит, за хромающим Колей Ванюкиным примчалась служебная машина из прокуратуры.

Зампрокурора нервно вышагивал по гостиной своего трёхэтажного особняка.

– Коля, объясни мне, что случилось в тихий час?

– Пап, я во сне упал с кровати и нечаянно ударился коленкой.

– Но я не вижу ссадины или синяка...

– Ну что ты меня допрашиваешь, мне очень больно, пожалуйста, оставь меня в покое.

– Я это так не оставлю, я привлеку к ответственности няньку, воспитательницу, заведующую, всех!..

– Папа, я сам виноват! Не кричи, у меня болит голова, меня тошнит, мне плохо...

– Сейчас я вызову врача.

– Делай что хочешь, только не трогай меня...

...Главный светило травматологии Томска профессор Фурман прибыл через пятнадцать минут после звонка:

– Что у нас тут, молодой человек?

– Коленка болит, как будто там внутри гвоздь. Встать не могу на ногу и голова кружится.

Профессор довольно тщательно осмотрел колено, нежно пропальпировал место предполагаемого ушиба, но не обнаружил ни вывиха, ни перелома, ни опухоли, ни мышечного спазма; нога выглядела вполне здоровой. Он почесал жиденькую седую бородёнку и глубокомысленно изрёк: «Нужен снимок!».

Колу в спешном порядке увезли на рентген. Ещё через два часа легендарный Фурман внимательно разглядывал снимок, потом долго пялился в пустоту, затем чесал умную репу, приговаривая: «Ничего не понимаю! Нет ни малейших признаков травмы. Почему тогда мальчик не может ступить на ногу? Это какой-то нонсенс!».

Таким образом, подготовительная группа, да и весь детский сад «Солнышко» оказались на несколько дней свободными от хулиганского беспредела, от малолетнего сопливого террора, от унижений и побоев. Но самое странное случилось через два дня после известных событий. Совсем недавно затюканный и униженный «дедами» мальчик Вова возомнил себя сильным и принялся терроризировать одноклассников.

Затретируванный, преследуемый ребёнок в одночасье превратился из жертвы в преследователя, в злобного хулигана.

...Светлана Юрьевна, сочинившая за две ночи целую методичку по искоренению децовщины в конкретном среднестатистическом детсаду, впала в полное недоумение, когда обнаружила в группе нового хулигана. Она оказалась в полном ступоре, не зная, что теперь предпринять.

Очевидно, дело не в детях и их родителях, а в системе, в государственном устройстве, в понятиях, установленных... Сами знаете, кем?!

Параграф 2. Адекватный ответ

*«Не будь антисемитизма, я бы не думал
о себе как об еврее».*

Артур Миллер.

...Прокурорский сынок, он же отпетый двоечник и несносный debil Коля Ванюкин кое-как переполз в третий класс. После детского сада он вдруг стал полностью неадекватным – просто слетел с катушек. Одним словом, Всевышний явил миру законченную мразь и морального урод.

Его колено полностью восстановилось, но в голове образовался вакуум, тормозящий психическое развитие и умственные способности.

В свои десять лет Коля выглядел сопливым пацаном, картавым недоноском, обозлённым на всех и вся, а особенно на евреев. Он не забыл Серёжу Баевича, выключившего его из привычной системы ценностей, унизившего и оскорбившего до глубины его поганой душонки. Теперь все евреи представлялись Коле врагами как в личном плане, так и вообще...

Прокурор Томской области Владимир Владимирович Ванюкин – махровый, наглый взяточник, – надеялся, что в недалёком будущем передаст своё тёплое кресло своему сынуле, но после детсада его не в меру «крутой» отпрыск как-то вмиг сделался покорным, отсталым, бесхарактерным ребёнком, безвольным ублюдком, сопливым нытиком.

Жёлтые пузыри соплей и тягучих слюней постоянно находились на его дурацкой и вечно улыбающейся роже. В классе Колю презирали за явную придурковатость, ненавидели за беспробудную тупость, но жутко боялись за неконтролируемую агрессивность поведения. Он, конечно, не глумился над одноклассниками, не терроризировал хлюпиков, не унижал девочек, не дрался, не издевался над младшими, но, тем не менее, считался в классе опасным, сволочным и мерзким типом.

Учителя терпели бывшего детсадовского хулигана Ванюкина, памятуя о его влиятельном отце, закрывали глаза на его паскудные и ублюдочные шалости, ставя ему липовые тройки вместо заслуженных двоек.

Коля, хоть и считался дурак дураком, но ловко и хитро играл роль неприкаянного простодушного идиота. Он люто ненавидел евреев и мечтал когда-нибудь встретиться со своим детсадовским обидчиком, рыжим Серёжей Баевичем. И эта встреча состоялась через тридцать лет после окончания школы. Но об этом позже...

– Володя, ты когда последний раз навещался туда, где учится твой сын?

– Я вообще-то никогда там не был, да и некогда мне. Скажи спасибо, что я с горем пополам запихнул его в эту престижную школу. А собственно говоря, в чём дело? Что опять не так? На что ты, Надюша, намекаешь? Я чего-то никак не врублюсь...

– Школа, конечно, шикарная, и учителя на уровне, только вот наш Коля почему-то в ней – последний ученик. Я вчера была на родительском собрании, так чуть сквозь землю не провалилась от стыда. Нашего сына не отчисляют, а автоматически переводят из класса в класс, потому что не хотят с тобой связываться; типа, боятся тебя.

– А как ты хотела?! И правильно делают! Каждая сямка должна знать своё место! Мы – элита страны, научим это быдло свободу любить!

– Вова, пафос свой в заднее место засунь и услышь, наконец, что я тебе говорю. Твой сын Николай – законченный троечник, мелкий хулиган, отстающий в развитии ребёнок!

– Надя, может быть, ему элементарно учиться не нравится. Ничего страшного! Я вот тоже в школе в отличниках не ходил, однако некоторых высот достиг, любого могу к ногтю

прижать, если захочу. Ты посмотри, как все передо мной лебезят; я властью обладаю почти неограниченной, я живу, как у Христа за пазухой, я...

– Опять ты, Вова, понты колотишь? Твоя власть на связях держится, ещё на знакомствах, на том, что ты член партии царя. Если кто-то покруче пожелает тебя задвинуть и своего человека посадить на твоё тёплое место, то ты враз в канаве окажешься или в тюрьме, а то и к стенке поставят.

– Я тебя умоляю, не начинай! Мы, кажется, про сына разговаривали, про его успехи в школе; вот давай и продолжим...

– А я тебе и толкую, что он плохо учится. Зато про Риту Блюмберг на собрании все уши прожужжали: она отличница, активистка, общительная девочка, типа аккуратная... О Боже, как же эта жиловка меня достала...

– Согласен с тобой, Надя! Эти пархатые всю страну скупили, продали и снова скупили. Наверху есть мнение, что евреев надо бы постоянно в чёрном теле держать, конкретный заслон им поставить во всех сферах жизни: в экономике, в науке, в медицине; короче, везде...

– Тут, Володя, я полностью на твоей стороне. Но, как это сделать, если они родственными связями обросли, в свиту Самого входят, в Политбюро залезли, покупают всех и вся?

– Ну, не знаю я. Пока не знаю...

...Коля в это время стоял за неплотно прикрытой дверью, втягивал в себя сопли и внимательно подслушивал диалог родителей. Их слова оказались явно по душе маленькому антисемиту, ласкали его слух и косвенно призывали к активным действиям. Он глубоко уверовал в то, что бы он ни сделал, папа его отмажет, и мама заступится, коршуном налетит на любого...

– Я вот что думаю, Вова: может, наймём для нашего мальчика репетитора хорошего, детского врача толкового, логопеда умного, наконец. Надеюсь, они Коленку на правильный путь наставят, вылечат, на буксир возьмут?

– Конечно, организуем, но сначала пусть начальную школу закончит, хотя бы на тройки. Надя, подыщи ему весь этот штат-монтаж и денег не жалея.

– Я вообще-то давно хотела это сделать, но боялась, что ты против будешь.

– Ну вот и обсудили всё! Давай уже ужинать, а то в горле пересохло. А что сегодня в нашем кабачке?

– Даже не знаю. Пойду у поварихи спрошу...

...Коля вмиг отскочил от двери и помчался в свою комнату досматривать мультфильм.

На следующий день он явился в школу в приподнятом настроении, смело зарулил в класс и огляделся. За первым столом робко восседала еврейская девочка Рита.

Кругом носились и галдели возбуждённые школяры, в окна заглядывали розовые утренние облака, а она, не замечая никого, сидела и тихонько читала какую-то книгу; скорее всего, это был сборник стихов Блока.

Коля нагло подлетел к Рите, схватил её за косичку и писклявым шепелявым голосом заорал: «Зыдовка! Зыдовка! Зыдовка!»

Тут же в классе воцарилась гробовая тишина; подавляющая часть третьеклашек не знала смысла этого слова, но некоторые принялись таинственно хихикать, показывая на Риту пальцем.

Тем временем Коля орал ещё громче, разбрызгивая по сторонам слюни и пузыри соплей: «Вонючая зыдовка! Вонючая зыдовка! Вонючая зыдовка!»

Ни у кого из одноклассников не возникло желания заступиться за униженную, оскорблённую девочку. Никто даже пальцем не пошевелил. Все стояли и наблюдали за этой трагической, отвратительной сценой: мальчики боялись Ванюкина-младшего, а девочки испугались за свои косы.

Вся эта гнусная ситуация должна была, тем не менее, когда-нибудь закончиться, и она закончилась совершенно неожиданно для всех. Оскорблённая Рита прекрасно знала смысл слова «жидовка» и готова была разреваться, но она поступила иначе. С невыразимой яростью она схватила за шиворот сопливого ублюдка, потащила его к доске и принялась яростно колотить его носом о классную доску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.